

**СЛУЧАЙНАЯ ВОЙНА...
(ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ИВАНА ГРОЗНОГО)**

В. В. Пенской

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Аннотация. Автор предлагает новый подход к изучению Ливонской войны и определению ее места во внешней политике Русского государства во 2-й половине XVI в. В российской и зарубежной историографии устоялось мнение о первостепенной значимости Ливонской войны для внешней политики Русского государства и Ивана Грозного. Однако сегодня некоторые исследователи предлагают иной взгляд на этот военный конфликт. К их числу принадлежит и автор. Он полагает, что для Ивана Грозного первостепенным был конфликт с Крымским ханством и с Великим княжеством Литовским, а ливонское направление находилось на периферии внешней политики Москвы, как следствие, ливонская проблема решалась по остаточному принципу. Это обусловило неудачный исход первого раунда борьбы за ливонское наследство для Русского государства.

Ключевые слова: Россия, Великое княжество Литовское, Швеция, Ливония, внешняя политика, русско-татарские отношения, русско-литовские отношения, Ливонская война.

Copyright: © 2017 Пенской. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: В. В. Пенской, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Юридический институт, кафедра теории и истории государства и права. Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85. E-mail: penskoj[at]bsu.edu.ru

**THE ACCIDENTAL WAR ...
(THE LIVONIAN WAR AND THE FOREIGN POLICY
OF IVAN THE TERRIBLE)**

V. V. Penskoï

Belgorod National Research University

Abstract. The author suggests a new approach to the study of the Livonian War and its place in Russian foreign policy in the late sixteenth century. Russian and foreign historiography has tended to stress the paramount importance of the Livonian War for the foreign policy of the Russian state and for Ivan the Terrible. However, some current scholars, including the author, have questioned this assumption. The author argues that for Ivan the Terrible, the conflict with the Crimean Khanate and the Grand Duchy of Lithuania was of primary importance, while Livonia had more marginal significance for Moscow. As a result, the Livonian problem was given only secondary attention, leading to the Russian state's poor showing during the first stage of the conflict over the Livonian inheritance.

Keywords: Russia, Grand Duchy of Lithuania, Sweden, Livonia, foreign policy, Russian-Tatar relations, Russian-Lithuanian relations, Livonian War.

Ливонская война 1558–1583 г. в отечественной исторической науке (да и не только в ней) считается едва ли не ключевым, поворотным пунктом в истории Русского государства середины XVI в., предопределившим дальнейший ход его развития. Эта точка зрения, безусловно, господствует и в научной, и в учебной литературе, и до недавнего времени она могла считаться своего рода аксиомой, которая не подвергается сомнению. Вместе с тем происходящий в последние десятилетия пересмотр ранее казавшихся незыблемыми оценок тех или иных событий и личностей российской истории не мог не затронуть и Ливонскую войну. Пожалуй, главным «возмутителем» спокойствия в этом вопросе может считаться санкт-петербургский исследователь А. И. Филюшкин, давно и плодотворно разрабатывающий сюжеты, прямо или косвенно связанные с эпохой Ивана Грозного в целом и с историей Ливонской войны в частности. Помимо всего прочего, он выдвинул интересное и заслуживающее, на наш взгляд, дальнейшей разработки предположение о том, что конфликт в Ливонии был частью так называемых «Балтийских войн» 1555–1595 гг.¹

Принимая во внимание эту точку зрения, отметим, что стоит все же четче разграничить выделенные исследователем «балтийский» и «ливонский» вопросы. При всей теснейшей взаимосвязи двух этих

¹ Филюшкин 2010, 93–94.

внешнеполитических проблем, имевших немалое значение для держав, вынужденных разрешать их, каждая из них обладала своей спецификой. «Балтийский» (морской) вопрос касался, в первую очередь, интересов Дании и Швеции, которые боролись за право установить собственный контроль над Балтийским морем и использовать завоеванное доминирование для реализации своих великодержавных планов. «Ливонский» же вопрос (континентальный) затрагивал, прежде всего, интересы Великого княжества Литовского (и опосредованно – Польши) и Русского государства. Есть все основания предполагать, что, рассматривая с 20-х гг. XVI в. идею «инкорпорации» Ливонии в состав коронных владений по прусскому образцу, Ягеллоны преследовали цель, с одной стороны, компенсировать убытки от окончательно выдохшейся к тому времени экспансии в южном и юго-западном направлениях (в сторону Черного моря и Балкан). С другой же стороны, в их планы, возможно, входило намерение «встроиться» в складывавшуюся европейскую систему разделения труда в качестве одного из основных поставщиков зерна на европейский рынок.²

Но какое место занимала аннексия Ливонии во внешнеполитических замыслах московских Калитичей? Действительно ли Иван Грозный вынашивал некие тайные планы похода «на германов» как первого шага выстраивания пресловутого III Рима, о чем пишут, к примеру, А. Л. Янов и А. Л. Хорошкевич?³ Или же Ивана влекли к себе экономические перспективы, открывающиеся в случае установления полного контроля со стороны Москвы за «окном в Европу», каковым была для России Ливония?⁴ Или же московский государь попался в хитрую ловушку, расставленную для него Сигизмундом II, как полагал упоминавшийся нами прежде А. И. Филюшкин?⁵ Или же дело в ином?

В свое время В. О. Ключевский в своей «Методологии русской истории» отметил, что русские историки «наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений». Более того, характеризуя в целом русскую историческую науку, он с горечью отмечал, что «нашу историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия – она много[е] обработала; но я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли она его обработала».⁶ Дополним эти высказывания цитатой из работы отечественного историка Е. С. Корчминой, которая (хоть и была сказана по другому поводу) очень созвучна тому, что было отмечено

² См., напр.: Валлерстайн 2015, 113–114, 117 и далее.

³ Хорошкевич 2003, 202–203; Янов 2001, 182.

⁴ См., напр.: Садиков 1950, 13.

⁵ Филюшкин 2002, 48–51.

⁶ Ключевский 1989, 5, 6.

В. О. Ключевским: «Обобщения ... предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем **сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное** (выделено нами – В. П. Именно так – «не первое приближение к истине, а как нечто доказанное»). В результате изучение этой темы (в нашем случае истории Ливонской войны – В. П.) в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ...».⁷ Попытаемся отойти от аксиоматичного взгляда на русскую историю той эпохи и выстроить иную, чем предыдущие, концепцию, объясняющую действия России в пресловутом «ливонском» вопросе.

Однако прежде чем перейти к основной теме, вернемся к концепции «Балтийских войн» А. И. Филюшкина (поскольку она имеет самое непосредственное отношение к тому, что будет сказано дальше). Как бы то ни было, но «морская» составляющая «Балтийских войн» – борьба между Швецией и Данией (и примкнувшим к ней Любеком) за господство на Балтике – в данный момент имела все же второстепенный характер по сравнению с «сухопутной» («ливонской») составляющей конфликта. Ни Дания (даже если бы она действовала вместе с Любеком и другими ганзейскими городами), ни тем более Швеция в середине XVI в. не обладали ресурсами, которые могли бы сделать их, на худой случай, ключевыми региональными державами, способными диктовать свои условия соседям и влиять на события в регионе (впрочем, опыт Северной войны 1563–1570 гг. это наглядно показал). Этого никак не скажешь о второй паре участников конфликта – Русском государстве и Великом княжестве Литовском (за спиной которого маячила тень Польши). Для них схватка за Ливонию была одним из эпизодов войны (но эпизодом чрезвычайно важным, ибо он привел к серьезным переменам в расстановке сил в Восточной Европе и изменил ход ее истории), которая началась еще в 80-х гг. XV в. и закончилась «Вечным миром» 1686 г., который подвел итог неизвестной, увы, в современной России 200-летней войне. И ставкой в этой войне было доминирование в Восточной Европе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потому-то значимость «ливонской» («сухопутной») составляющей этого конфликта, так или иначе затронувшего интересы многих стран, была, на наш взгляд, несравненно больше, чем «морской». И поскольку борьба разыгралась в первую очередь вокруг раздела Ливонии, то, учитывая положение, в котором оказалась Ливонская «конфедерация» к середине XVI в. (по сути «больной человек» Северо-Восточной Европы), то, на наш взгляд, стоит именовать события 1555–1595 гг. не иначе как Войной за Ливонское наследство.

Осознавали ли в Москве всю значимость вмешательства в ливонские дела? Каковы были ее планы относительно этого

⁷ Корчмина 2013, 78.

«наследства»? Стремился ли Иван, отправляя свою рать в январе 1558 г. в опустошительный набег на восточную Ливонию, за столбить за собой самые лакомые её куски, опередив в этом потенциальных конкурентов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отмотать ленту времени на три четверти столетия назад и вернуться в 70-е гг. XV в., когда московский государь Иван III подчинил своей власти Новгород Великий и закрепил вассальное по отношению к Москве положение «запятого друга» Новгорода – Пскова. Таким образом, молодое Русское государство стало непосредственным соседом Ливонской «конфедерации». И оба государственных образования встали перед серьезной проблемой выстраивания новой системы отношений с учетом изменившейся внешнеполитической ситуации. Тщательный анализ особенностей этого процесса с привлечением массы источников с обеих сторон содержится в последней монографии М. В. Бессудновой,⁸ что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на этой странице русско-ливонских отношений. Но на несколько моментов все же стоит обратить внимание. После войны 1501–1503 гг. почти на полсотни лет отношения Москвы и Ливонии стабилизировались. И, развивая выдвинутый М. В. Бессудновой тезис о «буферности» Пскова и Новгорода в отношениях между Русским государством и Западом, отметим, что и Ливония выступала аналогичным «буфером». Поэтому сложившийся после войны 1501–1503 гг. *status quo* в отношениях между Русским государством и Ливонской «конфедерацией» Москву более чем устраивал.

В самом деле, слабая, раздираемая внутренними противоречиями Ливония давно уже не представляла серьезной опасности для московских интересов в этом регионе. И сохранение независимой Ливонии именно такой, какой она была в начале XVI в. (когда магистр В. фон Плеттенберг упустил последний реальный шанс реформировать Орден, а вместе с ним и саму «конфедерацию», в более сильное и прочное государственное образование), было на руку Москве. Независимая Ливония, с одной стороны, выступала препятствием для усиления влияния в регионе Польши и Великого княжества Литовского (не говоря уже о Швеции), а с другой – являлась для России своего рода «окном» в Европу. При посредничестве ливонского купечества Москва могла удовлетворять свои потребности в стратегическом сырье, сукне и прочих западных товарах, а также технологиях. Косвенным свидетельством того, что Ливония все эти годы играла второстепенную роль во внешней политике Москвы, может служить тот факт, что ведение дипломатических контактов с Ливонской «конфедерацией» было отдано на откуп новгородским и псковским наместникам, которые пользовались значительной автономией и свободой рук в своих действиях.

⁸ См.: Бессуднова 2015.

Правда, сохранение устраивавшего Москву положения в русско-ливонских отношениях было возможно только в том случае, если бы Ливония занимала по отношению к России если не дружественную, то, на худой случай, сугубо нейтральную позицию, гарантируя тем самым московским купцам и дипломатам «путь чист» в обе стороны и бесперебойное поступление в Русскую землю тех самых стратегически важных товаров и сырья, а также технологий – военных и «двойного назначения». Однако отношения между Москвой и Вильно оставались напряженными, и потому значение Ливонии как канала связи с Западом для России тем более возрастало: последняя болезненно воспринимала любые попытки перекрыть этот канал. Желающих же сделать это было достаточно – и в самой Ливонии в том числе. Здесь еще в конце XV в. иррациональные страхи, вызванные неожиданным образованием на восточной границе могущественного государства с неясными намерениями, трансформировались в концепцию «Russische gefahr» – «русской угрозы». В ней определенная часть ливонского политикума нашла своего рода *raison d'être*,⁹ ну а механизмы создания препон для торговли с русскими землями в Ливонии отрабатывались еще в XV в.,¹⁰ задолго до того, как отношения Ливонской «конфедерации» и Русского государства обострились до предела. К примеру, верховный магистр Тевтонского ордена И. фон Тифен писал в сентябре 1494 г.: «... они (т.е. московиты – В. П.) взяли на службу скверных немецких мастеров-оружейников, которые изготовили для них военные машины такой мощи, о которой мы и не слышали прежде...».¹¹ «Следовательно, – продолжал свою мысль магистр, – надо воспретить продавать московитам медь, свинец, котлы и проволоку и прочие подобные товары ради того, чтобы не нанести вреда христианству».¹²

Подобного рода запреты налагались время от времени и позднее, например в 20-х и сер. 30-х гг. XVI в.,¹³ но к серьезному обострению отношений между Москвой и Ливонией не приводили, ибо, с одной стороны, нужда русских в стратегическом сырье была не настолько велика, чтобы ради этого угрожать большой войной (впрочем, судя по переписке ливонских ландсгерров, «малая» война на русско-ливонском порубежье все это время не прекращалась), а с другой – торговля запретными товарами была настолько выгодна, что и русские, и ливонские купцы сознательно шли на нарушение запретов. К тому же, интересы Москвы тогда лежали в совершенно иной плоскости – у нее были более серьезные проблемы, чем выяснение отношений с Ливонией.

⁹ См., напр.: Маазинг 2010, 184–194.

¹⁰ См., напр.: Бессуднова 2010, 272–273, 276–277.

¹¹ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch 1900, 50.

¹² Ibid, 183.

¹³ См., напр.: Гильдебранд 1877, 76–81.

Проблемы эти были связаны с тем, что Иван III, а затем его сын Василий в это время решали «литовский» и «татарский» вопросы. Убедившись в конце 70-х – нач. 80-х гг. XV в. в том, что Вильно не может помочь своим союзникам в борьбе с ним, Иван III прибрал к рукам Новгород и Тверь, установил контроль над Рязанью и Псковом, а затем приступил к постепенному «обкусыванию» собственно владений великого литовского князя.

Именно это направление внешней политики стало главным для Ивана III. Об этом свидетельствуют предпринимавшиеся им и его дипломатами шаги. Так, в 1490 г., готовя проект договора с Максимилианом I, императором Священной Римской империи, великий князь включил в него положение, согласно которому император должен был оказать московскому государю помощь, если тот «учнет» «доставати своего отчства, Великого Княжества Киевского, что за собою дръжит Казимир, которой Польский и его дети...».¹⁴ Дальше – больше. И вот в 1503 г., во время мирных переговоров, московские послы заявили литовским, что «те города и волости Русские, которые есмя взяли, наша отчина, а не те одны города и волости, которые ныне за нами, наша отчина: и вся Рускаа земля, от наших прародителей, с Божьею волею, из старины наша отчина...».¹⁵ Годом позже московские дипломаты раскрыли суть понятия «Рускаа земля» (с их точки зрения), заявив литовским послам, что «не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Руская земля, Киев, и Смоленск и иные города, которые он (великий князь литовский Александр Казимирович – В. П.) за собою держит к Литовской земле, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина...».¹⁶ Позднее, уже при Василии III, когда под высокую государеву руку был приведен Смоленск с волостью, список «иных городов» был расширен – наряду с Киевом в него были включены и Витебск, и Полоцк.¹⁷ Наконец, в 1549 г. Боярская дума на своем заседании постановила с великим князем литовским вечного мира не заключать, а только лишь перемирие, по той причине, что «вотчина наша извечная Киев и Волынская земля, и Полтеск, и Витебск, и иные города русские многие за королем».¹⁸

Вне зависимости от того, как интерпретировать эти заявления (как стратегическую программу или как элементы дипломатического торга – мы склоняемся к тому, что их надо расценивать как программу,

¹⁴ *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* 1851, 37.

¹⁵ *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* 1882, 389.

¹⁶ Там же, 460.

¹⁷ Там же, 652.

¹⁸ *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* 1887, 278.

поскольку действия Москвы с конца XV в. и до начала 30-х гг. XVI в. развивались именно в этом русле), можно, пожалуй, согласиться с А. И. Филюшкиным, отмечавшим, что «к середине XVI в. и у Литвы, и Московии сложились определенные концепции “идеальной” геополитической конфигурации Восточной Европы, которые **пока излагались в виде деклараций о намерениях, но в перспективе могли перейти и в плоскость политической практики** (выделено нами – В. П.)...».¹⁹ Правда, нужно сделать поправку: не Вильно, но Москва, владея на тот момент внешнеполитической инициативой, сделала в конце XV – начале XVI вв. серьезные шаги (и дипломатические, и военные) на пути претворения этих громких деклараций в жизнь.²⁰ Серия полномасштабных войн между Москвой и Вильно в 1486–1522 гг. могут служить наглядным тому подтверждением.²¹

Но в таком случае, какое же место во внешнеполитических планах Москвы занимал все это время «татарский» вопрос? Исходя из реальных действий московской дипломатии, можно сделать вывод – второстепенное, ибо ее деятельность на этом направлении была продиктована стремлением создать такие условия, чтобы освободить себе руки для развития экспансии на западном, «литовском» направлении. Поэтому Иван III отнюдь не стремился, к примеру, полностью покорить Казань и ввести там свое прямое правление (хотя и имел такую возможность), ограничившись посажением на казанском столе «своего» хана. В самом деле, зачем тратить силы и время на покорение казанской элиты, когда она сама себя будет ослаблять в постоянной борьбе «промосковской» и «антимосковской» партий? С той же целью великий князь вступил в союз с крымским ханом Менгли-Гиреем I, который враждовал с Ахматовичами – сыновьями того самого Ахмада, который пытался в 1480 г. снова сделать Москву зависимой от Орды. При этом Иван III извлекал двойную выгоду, ибо Ахмад и Ахматовичи были союзниками великого князя литовского Казимира – его врага. Таким образом, поддерживая Менгли-Гирея, Иван получал надежного (до поры до времени, как оказалось впоследствии) союзника и ослаблял равно как Казимира, так и Ахматовичей.

Союз с крымским ханом и контроль над поведением казанского «царя» полностью развязывал руки Ивану для проведения целенаправленного курса по отвоеванию восточных земель Великого княжества Литовского, которые в Москве считали (и с определенными на то основаниями) «отчиной» великого князя.²² Где лаской, где таской к середине 90-х гг. XV в. московскому великому князю удалось подчинить себе Северщину и часть верховских княжат. Затем наступила очередь

¹⁹ Филюшкин 2006, 186.

²⁰ См., напр.: Лобин 2014, 11–26.

²¹ См., напр.: Кром 2010б; Темушев 2013; Шеков 2012.

²² См., напр.: Темушев 2013.

Смоленщины, из-за которой у Москвы с Вильно были давние, еще со времен Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), счеты. Правда, разрешить эту проблему Ивану III в ходе войны 1500–1503 гг. не удалось. Поход его сына, Дмитрия Жилки, на Смоленск с большой ратью в 1502 г. не увенчался успехом – город устоял,²³ а продолжать войну великий князь не стал (возможно, из-за внутренних проблем).

Дело отца продолжил его наследник Василий III, дважды (в 1507–1508 и 1512–1522 гг.) воевавший с великим князем литовским Сигизмундом I. В июле 1514 г. Смоленск открыл ворота торжествующему Василию, однако, против ожиданий, война затянулась еще на восемь долгих лет. И не в последнюю очередь потому, что русско-крымский союз, бывший залогом успехов Ивана III на литовском «фронте», после крушения Орды Ахматовичей прекратил свое существование. Принцип, на котором основывался этот союз («против кого дружить будем?»), перестал действовать, один из его контрагентов – московский государь – умер, что также не способствовало сохранению союзнических связей Крыма и Москвы. К тому же, Менгли-Гирей пришел к выводу, что теперь, когда Ахматовичи перестали представлять для него смертельную опасность, дальнейшее усиление Москвы не в его интересах. Поэтому он с радостью откликнулся на предложение великого литовского князя войти вместе с ним и казанским ханом в коалицию против Василия III. Участвовать в этой коалиции Сигизмунд I пригласил и ливонского магистра В. фон Плеттенберга, однако тот вежливо, но твердо отказался от такой «чести», не решившись вторично испытывать судьбу.²⁴

Коалиция эта, к счастью для Москвы, не состоялась, поскольку никто из ее участников не торопился принимать удар на себя, предпочитая уступить это «почетное» право своим партнерам. К тому же, московские дипломаты, видимо, способствовали обострению давней крымско-ногайской вражды, в результате чего в 1507–1509 гг. Крым воевал с Ногайской Ордой.²⁵ Однако с того момента как в 1507 г. Менгли-Гирей выдал ярлык на великое княжение своему «брату» Сигизмунду (а в том ярлыке, помимо всего прочего, жаловал крымский «царь» литовского великого князя Тулой, Брянском, Стародубом, Путивлем, Рязанью и даже Псковом с Новгородом Великим с «люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками»²⁶), дальнейшее ухудшение русско-крымских отношений предугадать было нетрудно.

²³ Об этой экспедиции см.: Пенской 2012а, 73–79.

²⁴ См.: Пенской 2015, 26–37.

²⁵ Трепавлов 2002, 146–147, 162.

²⁶ См., напр.: Лист от цара татарского Менъдла Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Киевъ и иныши замъки 2011, 90.

О былой дружбе теперь не могло идти и речи, и над южной государевой украиной нависла новая, ранее не ведомая угроза. К счастью для Василия III, ни Менгли-Гирей, ни его сын и преемник Мухаммед-Гирей I, несмотря на все громогласные заявления, не торопились начинать войну. Создается впечатление, что крымские «цари» стремились получить свое, не порывая окончательно с Москвой и не прибегая к «последнему доводу королей». Для них важнее было добиться от Василия III выплаты регулярных и богатых «поминков» (что можно истолковать как возобновление старого доброго ордынского «выхода»²⁷) и, что еще более значимо, поддержки в восстановлении ордынской империи под крымской эгидой. И если бы этих целей удалось достигнуть без излишнего кровопролития, это вполне устроило бы и самого Менгли-Гирея, и его преемника.

Однако Москва отнюдь не торопилась идти навстречу крымским пожеланиям. Так, демонстрируя на словах понимание татарских интересов и готовность оказать всяческое содействие в планах захвата Астрахани, Василий III уклонялся от воплощения слов и обещаний на практике. Продолжая дипломатические контакты с Крымом, он тем временем постепенно укреплял южную украину, на всякий случай выстраивая систему обороны на «берегу» – вдоль левого берега Оки от Калуги до Рязани, и поддерживал контакты с ногаями. Впрочем, и хан был не менее двуличен: переписывался не только с Василием, но и с Сигизмундом I, и с рязанским князем Иваном Ивановичем (вселяя тем самым надежды в «младорязанскую» «партию», исподволь готовившую радикальный поворот рязанской политики под лозунгом «Прочь от Москвы!»).

Туго закрученный клубок интриг был внезапно разрублен летом 1521 г. Мухаммед-Гирей устал ждать, когда же, наконец, «московский» выполнит свои обещания и пришлет судовую рать для совместных действий против Астрахани. Он заключил союз с Сигизмундом и отозвался на неоднократные призывы казанских «князей коромольников», отправив в Казань своего брата Сахиб-Гирея занять освободившийся в результате дворцового переворота «стол». Сам же «царь» во главе многочисленного воинства (около 30 тыс. всадников) отправился на север с тем, чтобы, продемонстрировав свою силу и величие непонятливому «московскому», сделать его более сговорчивым и внимательным к крымским предложениям.

«Крымский смерч» (термин А. А. Зимина) 1521 г., опустошивший уезды к югу и юго-востоку от Москвы (а по некоторым данным, отдельные татарские отряды добрались даже до окрестностей Владимира), казалась, положил начало открытой конфронтации в истории русско-крымских отношений. Однако этого не случилось. Мухаммед-Гирей, посчитав, что своей цели он добился, двинулся на Астрахань. И тут его ожидала беда: спустя некоторое время после взятия

²⁷ См., напр.: Рахимзянов 2016, 214–222.

города в низовьях Волги он и его сын и наследник-калга Бахадыр-Гирей были убиты ногайскими мирзами Мамаем б. Мусой и Агишем б. Ямгурчи. Расправившись с «царем», ногаи, не медля, пошли на крымский юрт и подвергли его безжалостному погрому, отомстив за те беды и утеснения, которым прежде подверг Ногайскую Орду Мухаммед-Гирей.²⁸ В разгромленном ногаями Крыму началась «замятня», в ходе которой крымская аристократия разделилась на «партии», одна из которых поддержала провозгласившего себя при поддержке османского султана новым крымским «царем» брата Мухаммед-Гирея – Саадет-Гирея I, а вторая – его племянника Ислам-Гирея, который отказался признать дядю своим повелителем.

Крымская усобица, растянувшаяся почти на десятилетие,²⁹ на время вывела ханство из числа претендентов на ордынское наследство: борьба за власть не оставляла враждующим «партиям» сил и времени для реализации великодержавных замыслов Менгли-Гирея. Москва же, делая реверансы обеим сторонам и раздувая пламя вражды, получила возможность продолжить прежнюю политику нейтрализации Казани и создать условия для возобновления наступления на Литву, что являлось главной внешнеполитической задачей и Ивана III, и Василия III. В начале 30-х гг. XVI в. Москва и Вильно снова оказались на пороге большой войны, причем Василий III намеревался привлечь на свою сторону (и, похоже, заручился на это согласием) Саадет-Гирея, который в очередной раз занял крымский «стол», и имевшего свои счета с польским королем молдавского воеводу Петра Рареша.³⁰

Увы, планам Василия III не суждено было сбыться. Сперва Саадет-Гирей, решивший было напасть зимой 1532 г. на Черкассы (на тамошнего пограничного «барона» О. Дашкевича,³¹ давшего приют Ислам-Гирею), потерпел неудачу и вслед за этим лишился власти.³² Затем Ислам-Гирей и его двоюродный брат Сафа-Гирей (бывший казанский хан, под давлением Москвы вынужденный покинуть Казань и не скрывавший потому своей враждебности к Василию III) отправились летом 1533 г. в набег на Москву.³³ А осенью того же года великий князь тяжело занемог и в начале декабря скончался. С его смертью закончилась целая эпоха в русско-литовских и русско-крымских отношениях.

²⁸ См., напр.: Трепавлов 2013, 51–53.

²⁹ О ней см.: Черкас 2000, 97–118.

³⁰ О назревавшей войне Василия III и Сигизмунда I см., напр.: Кром 2008, 13–23.

³¹ Об О. Дашкевиче см., к примеру: Черкас 2002, 53–67.

³² О черкасской экспедиции Саадет-Гирея см.: Пенской 2016, 302–315.

³³ О набегах Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на московскую «украину» см.: Пенской, Пенская 2015, 345–356; Пенской, Пенская 2016, 552–569.

Десятилетие между смертью Василия III и январским «переворотом» 1542 г. – время неопределенности во внешней политике Русского государства, обусловленной тем, что, по словам М. М. Крома, малолетний Иван IV был не способен «взять под контроль придворную элиту, положить предел боярской розни и насилию», и, как следствие, «придворная иерархия лишилась верховного арбитра, способного поддерживать хотя бы относительную политическую стабильность».³⁴ Политическая же нестабильность московской правящей элиты никак не могла способствовать выработке более или менее определенного и стабильного внешнеполитического курса. Складывается впечатление, что в Москве никак не могли определиться с внешнеполитическими приоритетами (в отличие от времен Ивана III и Василия III). Заняв пассивную позицию, московские бояре в итоге утратили внешнеполитическую инициативу, отдав ее в руки Вильно и Крыма (а через него – и Казани). Но вот что любопытно: Стародубская война 1534–1537 гг. показала, что между Москвой и Вильно установилось определенное равновесие сил. Сигизмунд I попробовал воспользоваться политическим кризисом в Русском государстве и взять реванш, но не преуспел в этом. Однако и Москве не удалось продолжить экспансию на западном направлении. «Устойчивость этого равновесия была подтверждена впоследствии неоднократным продлением перемирия вплоть до начала Ливонской войны», – писал по этому поводу М. М. Кром.³⁵

Но так ли это? Связано ли неоднократное продление (в 1542, 1549, 1554 и 1556 гг.) перемирия между Москвой и Вильно, подписанного по итогам Стародубской войны, с выявившимся в ходе этого конфликта военно-политическим паритетом Русского государства и Великого княжества Литовского и его сохранением впоследствии? На наш взгляд, нет. Во всяком случае, возобновление конфликта между Москвой и Вильно в начале 60-х гг. XVI в. показало, что Великое княжество Литовское в схватке с Русским государством один на один не имеет шансов на успех, и полоцкая экспедиция Ивана Грозного 1562–1563 гг. это подтвердила. Несмотря на все усилия, Сигизмунд II так и не сумел оказать сколько-нибудь серьезной поддержки осажденному Полоцку, который был взят после кратковременной (в отличие от Смоленска) осады. После прекращения боярского правления и завершения политического кризиса в Москве Русское государство очень быстро нарастило военную и политическую мощь. И то обстоятельство, что Иван отказался от немедленного возобновления политической линии своего отца и деда, главной целью которых было последовательное ослабление Литвы и отвоевание «извечной отчины», определялось отнюдь не

³⁴ Кром 2010а, 238–239.

³⁵ Кром 2008, 96.

желанием сохранить это сомнительное равновесие. Ответ на этот вопрос надо искать в другой плоскости. Но в какой?

Не вызывает сомнений тот факт, что политическая борьба в Москве в конце 30-х – нач. 40-х гг. XVI в., когда после кратковременного регентства Елены Глинской, вдовы Василия III и матери малолетнего Ивана IV, началась бурная эпоха «боярского правления», не могла не сказаться на внешнеполитическом курсе Русского государства. Международная обстановка вокруг него в то время продолжала оставаться напряженной, несмотря на относительно успешное окончание Стародубской войны. Слабость московской власти повлияла на расклад сил при казанском дворе, где победила «крымская» «партия». Она привела к власти Сафа-Гирея, который немедленно возобновил набеги на «казанскую» «украину». «Правительство» Елены Глинской вознамерилось весной 1538 г. отправить рать на казанского «царя» с тем, чтобы привести его в повиновение. Однако в конфликт вмешался крымский «царь» Сахиб-Гирей, пригрозивший Москве войной в том случае, если она решит напасть на Казань.³⁶ Угроза крымского вторжения (отметим, что у Сахиб-Гирея к этому времени оказались полностью развязаны руки – ногайский «князь» Бакы-бек летом 1537 г. убил Ислам-Гирея, главного возмутителя спокойствия в Крыму, и многолетняя «замятня» подошла, наконец, к завершению) и вызванная внезапной смертью Елены Глинской очередная политическая перестановка в русской столице обусловили отмену запланированной казанской экспедиции. Однако ситуация в треугольнике «Москва – Кыркор – Казань» от этого не улучшилась. Набеги казанцев продолжались, а Сахиб-Гирей исполнил все-таки свое обещание и летом 1541 г. явился на «берег», намереваясь повторить успех Мухаммед-Гирея.

«Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...» – события летом 1541 г. разворачивались в полном соответствии с этой русской поговоркой. Громогласные угрозы хана оказались, в итоге, пустым звуком. Русские полки вовремя развернулись на «берегу» и оказали незваному гостю достойный прием.³⁷ Однако эта победа и сохранявшаяся напряженность в отношениях с Казанью сыграли свою роль в радикальном изменении внешнеполитического курса Русского государства, произошедшем вскоре после холодного лета 1541 г. В противоборстве сторонников сохранения прежнего курса, направленного на продолжение борьбы с Литвой, и их противников, настаивавших на переходе к более активным действиям на «татарском» фронте, победу одержали последние. Одним из главных их вождей стал бывший новгородский архиепископ, а ныне митрополит всея Руси Макарий. Он, а также его верный соратник – новый новгородский

³⁶ Флоря 2001, 237.

³⁷ См.: Пенской 2011, 41–47.

архиепископ Феодосий – и вошедший в ближнее окружение юного Ивана IV небезызвестный Сильвестр всячески раздували идею священной войны (своего рода «крестового похода») против бусурман.³⁸ Таким образом в московскую внешнюю политику, доселе весьма прагматичную, был привнесен отчетливый мотив идеологической нетерпимости. В 1545 г. начинается очередная (как стало ясно позже – последняя) русско-казанская война, которая продлится семь лет и окажет самое серьезное влияние на дальнейший ход событий в Восточной Европе.

Активизация русской политики на восточном направлении и усиление давления Москвы на Казань довольно скоро привели к коренной перекройке политической карты Восточной Европы. Сопоставим некоторые факты. В 1546 г., когда в Москве вовсю готовились к наступлению на Казань, в русской столице объявился некто Ганс Шлитте, немец из городка Гослар, с рекомендательными письмами от прусского герцога Альбрехта (sic!).³⁹ О чем Шлитте вел переговоры с московскими дьяками и от чьего имени – доподлинно неизвестно,⁴⁰ но результат их, напротив, известен очень хорошо. Осенью 1547 г. Шлитте был уже в Аугсбурге и с легкостью получил аудиенцию у императора Карла V. Очарованный саксонцем (и, надо полагать, видом верительных грамот от самого московитского государя⁴¹) и открывающимися перспективами в связи с готовностью Ивана IV присоединиться к антитурецкой коалиции (Вот оно, свершение давней мечты Рима, Вены и Венеции!), император в январе 1548 г. разрешил Шлитте набрать специалистов, в том числе и военных: оружейников, инженеров и пр., – а также восстановить торговлю оружием и стратегическими материалами с русскими (кстати, вряд ли было совпадением, что вскоре после отъезда Шлитте бывший имперский посол в России Сигизмунд Герберштейн опубликовал свои «Записки о Московии», мгновенно ставшие бестселлером и главным источником сведений о таинственной и загадочной Московии).

³⁸ См., напр.: Сильвестр 1874, 69–87; Филюшкин 2000, 328.

³⁹ Таймасова 2008, 31.

⁴⁰ Л. Ю. Таймасова полагает (и ее доводы выглядят довольно убедительно), что Шлитте был агентом банкирского и торгового дома Фуггеров (2008, 32–33).

⁴¹ А. И. Филюшкин полагает Шлитте авантюристом, действовавшим на свой страх и риск, а пресловутое письмо Ивана IV Карлу V – фальшивкой, «немецким публицистическим памятником, составление которого связано с «промосковскими» идеологами Священной Римской империи» (2015, 42). Вполне возможно, что это послание действительно может быть памятником немецкой «промосковской» публицистики (поскольку наличие «антимосковской» «партии» в Империи сложно отрицать), и в этом памфлете нашли свое отражение, пусть и несколько гипертрофированное, реальные предложения Москвы по заключению антиосманского союза. Но считать, что Шлитте – авантюрист, на наш взгляд, все же слишком смелое допущение, ставящее под вопрос квалификацию имперских дипломатов и выставляющее явно в невыгодном свете и прусского герцога Альбрехта, и самого императора, доверившихся безродному проходимуцу.

Наверняка об этих контактах было известно в Стамбуле, равно как и о том, что иранский шах Тахмасп I (с которым Стамбул с 1548 г. находился в состоянии войны) пытался завязать контакты с Москвой (а в 1552 г. и вовсе прислал посольство к Ивану IV⁴²). И в Стамбуле приняли меры. В 1547 г. был пролонгирован «вечный мир» с Польшей (у которой имелись общие с Портой враги – Москва и Вена), Порта осторожно пыталась прощупать настроения среди ногаев (ранее такого не наблюдалось).⁴³ Наконец, весной 1551 г. Сахиб-Гирей был свергнут и задушен вместе со своим сыном и наследником, а на его место Стамбул поставил племянника покойного – Девлет-Гирея I.

Новый хан получил недвусмысленные указания из Стамбула относительно приоритетного для Крыма направления политики.⁴⁴ Примечательно, что весной 1551 г., сразу после переворота в Крыму, в Ногайской Орде объявился новый османский посол, Ахмед-чауш, и не один, а вместе с крымским и астраханским послами,⁴⁵ причем крымский посол прибыл не с пустыми руками, а с «великими поминками», адресованными ногайскому бию Юсуфу.⁴⁶ Обрадованный Юсуф вскоре отписал в Москву, что прежнего крымского «царя» не стало, а «на его место иной царь учинился. И тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился». Брат же Юсуфа и его враг нурадин Исмаил добавил к этому, что Ахмед-чауш предложил Юсуфу и ему, Исмаилу, «содиначиться» с турками, крымцами, казанцами и астраханцами и воевать русские земли.⁴⁷

Султан же, озабоченный планами Москвы и в то же время связанный по рукам и ногам проблемами в отношениях с Ираном и Империей, не желая вступать в непосредственный конфликт с надменным Московитом, решил прибегнуть к стратегии «непрямых действий». Замысел Стамбула, похоже, заключался в том, чтобы вынудить Ивана IV отказаться от своих великодержавных планов, поссорив его с татарскими юртами, ведомыми османским вассалом – Крымом. С 1552 г. между Москвой и Крымом началась полномасштабная война – война, раздуваемая с обеих сторон, война, которая по праву может быть названа «Войной двух царей» и которая продлилась де-факто до самой смерти Девлет-Гирея I в 1577 г.

На первых порах инициатива была на стороне Москвы. В Стамбуле долгое время мало интересовались развитием событий в Поволжье и

⁴² Некрасов 1990, 112.

⁴³ См.: *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг.* 1995, 307.

⁴⁴ *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции* 2008, 103, 104.

⁴⁵ Новиков 1793, 295.

⁴⁶ *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.)* 2006, 56.

⁴⁷ Новиков 1793, 225, 227–228.

прилегающих к нему регионах и слишком поздно обратили внимание на происходящие там перемены. Попытки Девлет-Гирея оказать помощь Казани и Астрахани и вмешаться в борьбу «партий» в Ногайской Орде оказались безуспешны, а в окружении Ивана IV, окрыленном победой, родился замысел посадить на крымском «стольце» «своего» хана (благо татарских «царевичей» в Москве всегда было в избытке). И вторая половина 50-х гг. XVI в. прошла под знаком нарастающего военного давления Москвы на Крым. При этом Москва, не ограничиваясь чисто военными акциями,⁴⁸ предприняла серьезные усилия по вовлечению в антикрымскую (а в перспективе – и в антитурецкую, ибо война с Крымом неизбежно рано или поздно должна была привести к столкновению с Портой) коалицию не только ногаев и северокавказских князей, но и Великого княжества Литовского.⁴⁹

Увы, литовцы, несмотря на то, что Иван IV был готов ради «вечного мира», «покою христианского и свободы христианом от рук бусурманских» отказаться от прежних притязаний на Киев и прочие «свои старинные вотчины», оставив русско-литовскую границу в том виде, в котором она существовала к этому времени, оказались не готовы пойти навстречу русскому государю. Они потребовали в обмен на «вечный мир» Смоленск и ряд других городов, а также невмешательства в ливонские дела (sic!). Более того, глава посольства воевода подляшский и староста минский В. Тышкевич прямо заявил, что в Литве не верят искренности намерений московского государя. По мнению посла, как только Иван одолеет Девлет-Гирея, «и вам не на ком пасти, пасти вам на нас». А что касается московских клятв и обещаний, то, как говорил Тышкевич, «только б чему образцов не было, и в том бы покладывали на душу, а то образцы в лицах: и отец израдил, и дед израдил».⁵⁰

В итоге, переговоры о заключении «вечного мира» (и в перспективе – союза) с Сигизмундом II и панами-рады закончились ничем. 16 марта 1559 г. во время аудиенции, данной Иваном IV литовскому посольству, посланники Сигизмунда услышали от царя: «мы ныне з братом своим перемирье додержим до сроку, а вперед меж нас неправду Бог розсудит».⁵¹ Увы, в Москве переоценили степень влияния «партии», ратовавшей за сближение с Москвой и совместные действия против крымцев. К тому же кризис 1558 г. в польско-литовско-турецких отношениях, вызванный неожиданной активизацией татар на крымско-литовском пограничье, разрешился после успешной миссии королевского посольства в Стамбул. В Вильно сочли, что теперь надобность в союзе с Москвой отпала, чего не скажешь о союзе с

⁴⁸ Подробнее см.: Пенской 2012б, 59–117.

⁴⁹ О московском проекте коалиции против «неверных» см., напр.: Флоря 1979, 71–86.

⁵⁰ *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* 1887, 575, 576–577, 578.

⁵¹ Там же, 578.

Крымом: острием своим нацеленный против Русского государства такой союз был весьма кстати, учитывая далеко идущие внешнеполитические планы Сигизмунда II и его советников.

Таким образом, планы московской «партии войны», рассчитывавшей на привлечение к совместным действиям против «бусурман» Великого княжества Литовского, потерпели крах, а вместе с ними и весь выбранный в середине 40-х гг. «новый курс» во внешней политике. Перспектива возобновления застарелого русско-литовского конфликта после долгого перерыва снова встала на повестку дня, и Иван Грозный, не желая вести войну на два фронта, в начале 60-х гг. XVI в. начал постепенно сворачивать военную активность на крымском «фронте», демонстрируя свою готовность пойти на «замирение» с Девлет-Гиреем.

Сам Девлет-Гирей, осторожный и расчетливый политик, был не прочь примириться с Иваном, но этому препятствовал ряд весомых обстоятельств. С одной стороны, скорому достижению соглашения мешала неуступчивая позиция Москвы, весьма щепетильно относившейся к вопросам, связанным с государственным престижем, и потому стремившейся использовать проблему ханских «поминков» и прочих даров как инструмент политического давления на «царя» и его окружение. С другой стороны, при ханском дворе сложилась своя «партия войны», подпитываемая регулярными подношениями из Вильно. Эта «партия», как сообщал московскому послу А. Ф. Нагому московский «доброхот» Сулеш-мурза, была против примирения двух царей.⁵²

Оказавшись в сложной ситуации, испытывая нарастающее давление со стороны «партии войны» и памятуя о печальной судьбе Сахиб-Гирея, Девлет-Гирей в конечном счёте сделал выбор, и этот выбор был не в пользу восстановления русско-крымского союза (или относительно мирных отношений). И после того как в 1566 г. русско-крымские переговоры были окончательно сорваны из-за взаимной неуступчивости сторон, стало очевидно – нового витка напряженности в отношениях между Москвой и Крымом не избежать. И поскольку Иван Грозный увяз в возобновившейся в 1562 г. (а де-факто еще в 1561 г.) очередной русско-литовской войне, инициативой владел теперь крымский «царь».

Пик военной активности крымцев пришелся на 1571 и 1572 гг., когда Девлет-Гирей совершил два крупномасштабных похода на Москву. Первый из них из-за допущенных русскими воеводами ошибок закончился трагедией – русское войско потерпело под стенами Москвы поражение, следствием которого стал грандиозный пожар, испепеливший русскую столицу. Девлет-Гирей, судя по всему, не ожидал такого успеха и не был готов развить его, дав тем самым Ивану Грозному время опомниться. Демонстрируя на словах готовность к уступкам,

⁵² См., напр.: Садиков 1947, 145.

русский царь тем временем интенсивно готовился к новой кампании, прекрасно понимая, что крымский «царь» попробует повторить свой успех еще раз. Но войти в одну и ту же реку дважды невозможно, и в многодневной битве на ближних подступах к Москве летом 1572 г. татарское войско потерпело жестокое поражение. Эта русская победа, оставшаяся недооцененной потомками, имела чрезвычайно важное значение: фактически, у подмосковного села Молоди был похоронен имперский проект крымских Гиреев, а в борьбе за золотоордынское наследство Москва однозначно заняла доминирующее положение, и ослабевший Крым уже ничего не мог с этим поделать.

Во всей этой истории обращает на себя внимание тот факт, что борьба с Крымом потребовала от Москвы серьезного напряжения сил и мобилизации всех ресурсов. Ситуация, описанная С. Герберштейном (когда русский государь «ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар»⁵³) применительно к началу 20-х гг. XVI в., сразу после «крымского смерча», стала полноценной реальностью именно во время «войны двух царей». И если бы дело ограничивалось только организацией «береговой» службы! Не стоит забывать, что необходимость обеспечения обороны «крымской» Украины и вынесения передовых ее рубежей как можно дальше в Поле требовала постройки крепостей за Окой, и не одной. И в 50-х – 60-х гг. XVI в. в степи один за другим появляются города-крепости, населенные служилыми людьми. Одновременно в несколько приемов реорганизуется сторожевая служба в Поле, а во второй половине 70-х гг. XVI в. в дополнение к ставшему «старшим» «береговому» разряду был образован из украинских служилых людей «младший» «украинный» разряд.⁵⁴

Все это происходило на фоне небывало возросшей военной активности Крымского ханства. Девлет-Гирей лично возглавил 7 походов на Русь (1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571 и 1572 гг.), еще два планировавшихся им похода (в 1556 и 1559 гг.) были отменены, а в 1569 г. хан принял участие в незадавшейся османской экспедиции на Астрахань. Еще 4 похода (1558, 1563, 1570 и 1573 гг.) осуществил его сын и наследник-калга Мухаммед-Гирей, а в 1568 г. на «крымскую Украину» приходили другие «царевичи». Таким образом, за 26 лет правления Девлет-Гирей и его сыновья совершили или приняли участие в 13 походах против Русского государства. Такого доселе не было, ибо каждый «царев» приход означал развертывание «по вестем» и соответствующей царской рати на «берегу» со всеми вытекающими отсюда последствиями.⁵⁵

⁵³ Герберштейн 2008, 241.

⁵⁴ *Разрядная книга 1475–1605 гг.* 1984, 26.

⁵⁵ Виноградов 1999, 64.

Стоит ли еще раз говорить о том, что возможности Ивана Грозного по ведению политической (и иной) игры на других направлениях были более чем ограничены. Образно говоря, большую часть своего царствования он был вынужден действовать одной только левой рукой, имея при этом еще и пушечное ядро на одной из ног. В самом деле, те силы, которыми оперировал Иван Грозный в Ливонии на первом этапе конфликта, во время собственно Ливонской войны 1558–1561 гг., не идут ни в какое сравнение с задействованными против Казани, Крыма, Литвы или остававшимися в готовности на «берегу». Так, в зимнем 1558 г. походе царской рати в Ливонию, открывшем эту войну, участвовало около 12-14 тыс. «сабель» и «пищалей», примерно столько же – в зимнем походе 1558/1559 гг., несколько больше – в третьем зимнем походе, на этот раз в 1560 г., и столько же летом того же года.⁵⁶ В остальное время в Ливонии были задействованы гораздо меньшие силы, причем ливонцы так и не смогли противостоять им, и русские рати практически беспрепятственно опустошали владения ливонских ландсгерров. Нетрудно представить, как бы развивались события, если бы в 1558 или 1559 гг. в Ливонию явился сам Иван Грозный с 40-50-тысячной ратью. Впрочем, именно это и произошло в 1577 г., когда Иван, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, огнем и мечом прошелся по Ливонии. Тогда он привел с собой примерно 25-27 тыс. «сабель» и «пищалей» – существенно меньше, чем было задействовано, к примеру, в ходе казанской кампании 1552 г., выхода на «берег» в 1559 г. или похода на Полоцк в 1562/1563 гг.

Что еще обращает на себя внимание – так это непоследовательность действий Ивана IV в ходе решения ливонского вопроса. При анализе его политики создается впечатление, что никакой продуманной программы действий ни у него, ни у Боярской думы, ни у Посольского приказа не было, и Москва де-факто пылала по течению вслед за стремительно развивающимися событиями. В этом плане показательна летняя кампания 1558 г., когда после неожиданного падения Нарвы в Москве стали спешно собирать войска для продолжения столь удачно начавшейся кампании и бросали их в бой по частям, по мере сосредоточения. А как же иначе, если полки уже были расписаны по «берегу» в ожидании набега самого «царя»?⁵⁷

Косвенным подтверждением нежелания Ивана Грозного связываться в ливонский конфликт может служить и история с вассальным ливонским «королевством». Казалось бы, после того как летом 1558 г. без особых усилий под руку Ивана попала практически вся восточная Ливония – Нарва и Дерптское епископство, – кто смог бы помешать ему и дальше продолжать завоевания? Римская империя? Швеция? Дания? Польша с Литвой? Ганза? Никто из них не пришел на

⁵⁶ См.: Пенской 2014, 133–217.

⁵⁷ См., напр.: *Разрядная книга 1475–1598 гг.* 1966, 167–175.

помощь гибнущей Ливонии, ограничившись по преимуществу моральной поддержкой и дипломатическим давлением на Москву. Однако Иван де-факто отдал своим победоносным полкам «стоп-приказ», удовольствовавшись тем, что было взято в ходе летней кампании.⁵⁸ Более того, после успешного зимнего похода 1559 г., когда еще раз наглядно было продемонстрировано военное бессилие Ливонии, он не стал развивать успех (как в предыдущем году), а пошел на подписание перемирия, поддавшись на уговоры датчан. И когда стало очевидно, что новый магистр и рижский архиепископ готовы перейти под покровительство Сигизмунда II, Иван, вместо того чтобы попытаться овладеть, например, Ревелем и Ригой, начал искать выход из сложившейся ситуации на пути создания вассального «королевства», предлагая стать во главе его то бывшему магистру Фюрстенбергу, попавшему в плен после взятия Феллина летом 1560 г., то датскому принцу Магнусу. Это еще раз подтверждает тот факт, что Москва до самого последнего момента придерживалась того мнения, что слабая, бессильная, но формально независимая Ливония для нее была выгоднее, чем Ливония, разделенная между русскими, поляками и шведами с датчанами.

Одним словом, ливонская проблема долгое время для Ивана Грозного была лишней, возникшей в самое неподходящее время, когда у него не было ни времени, ни ресурсов, ни сколько-нибудь ясной программы действий на этом направлении. И активизация Сигизмундом II планов по инкорпорации Ливонии в состав своего государства напрямую была связана с его расчетом на то, что Москва, занятая борьбой за золотоордынское наследство, не сумеет помешать ему решить ливонский вопрос в нужном ключе. В 1557 г., вмешавшись в войну коадьюторов, Сигизмунд вынудил Фюрстенберга подписать Позвольские соглашения, тем самым застав Москву врасплох и вынудив ее по ходу дела перестраивать свою политику в ливонском вопросе.

Эта импровизированная, не подготовленная заранее политика (без четкого представления о том, какие силы могут быть задействованы, как изменится расстановка внешнеполитических сил в случае вмешательства России – впрочем, стоило ли ожидать иного, если Посольский приказ явно не владел ситуацией в полной мере, довольствуясь той информацией, которая поступала из Новгорода и Пскова, а там видели лишь часть общей картины) оказалась неудачной. Избежать втягивания в полномасштабную войну не удалось, и локальный конфликт, который можно и должно было решить быстро, поставив потенциальных оппонентов перед фактом, превратился в войну сперва с Великим княжеством Литовским, а потом с Речью Посполитой и Швецией. И это при том, что на протяжении всего этого времени шла полномасштабная война с Крымом.

⁵⁸ *Лебедевская летопись* 2009, 270.

В итоге, Москве пришлось вести боевые действия сразу на нескольких фронтах, в том числе и в завоеванной, но долго никак не замирявшейся казанской «подрайской землице». Ценой больших усилий и жертв в борьбе за золотоордынское наследство Ивану Грозному удалось одержать верх, однако развить первоначальный успех, достигнутый в Ливонии к началу 60-х гг., ему не удалось. Да и, судя по всему, он к этому и не стремился. Взяв Дерпт (как часть «наследия Ярослава») и Нарву, он решил на этом остановиться, сосредоточив свои усилия на более важном, первостепенном направлении – литовском, перейдя к обороне на южном – крымском. Ливония же окончательно отошла на второй план. Второстепенное значение она имела и для Сигизмунда II, а после него – для Стефана Батория. Исход очередного раунда русско-польско-литовского противостояния был определен в ходе Московской войны 1579–1582 гг., и не в Ливонии, а под Полоцком, Великими Луками и Псковом. Здесь, по большому счету, находился ключ к ливонскому наследству, и его судьба должна была решиться в противостоянии России и Речи Посполитой. И когда во 2-й половине XVII в. последняя постепенно вышла из числа великих держав, Швеция, ранее воспользовавшаяся схваткой двух титанов и отхватившая лакомые куски от ливонского наследства, оказалась лицом к лицу с Россией. В этой борьбе один на один она проиграла, потеряв не только Ливонию, но и статус великой державы.

Библиография

- Бессуднова, М. Б. 2015. *Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта*. М.: Квадрига.
- Валлерстайн, И. 2015. *Мир-система Модерна*. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Виноградов, А. В. 1999. Крымские ханы в XVI в. *Отечественная история* 2: с. 58–69.
- Герберштейн, С. 2008. *Записки о Московии*. Т. I. М.: Памятники исторической мысли.
- Гильдебранд, Г. 1877. *Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории*. СПб.
- Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции*. 2008. Казань: Гасыр.
- Ключевский, В. О. 1989. *Методология русской истории*. В кн. В. О. Ключевский. *Сочинения в девяти томах*. Т. VI. Специальные курсы. С. 5–94. М.: Мысль, 1989.
- Корчмина, Е. С. 2013. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах. *Российская история* 5: с. 77–91.

- Кром, М. М. 2010а. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Кром, М. М. 2010б. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* М.: Квадрига.
- Кром, М. М. 2008. *Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений.* М.: Рубежи XXI.
- Лебедевская летопись 2009. *Полное собрание русских летописей.* Т. 29. М.: Знак.
- Лист от цара татарского Менъдли Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Кieveъ и иныши замъки. 2011. *Lietuvos metrika.* Кн. 7 (1506–1539). Р. 90–91. Vilnius.
- Лобин, А. Н. 2014. Планы военного сотрудничества Тевтонского Ордена и России в 1517–1522 гг. *Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1: с. 11–26.
- Маазинг, М. 2010. «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 гг. *Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1 (7): с. 184–194.
- Некрасов, А. М. 1990. *Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.).* М.: Наука.
- Новиков, Н. 1793. *Продолжение Древней Российской вивлиофики.* Ч. VIII. СПб.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Ч. I (годы с 1487 по 1533).* [Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35]. 1882. СПб.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Ч. II (годы с 1533 по 1560).* [Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59]. 1887. СПб.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. I. Сношения с государствами европейскими. Т. I. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год).* 1851. СПб.
- Пенской, В. В. 2016. Черкасское сидение. В кн. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года.* Часть IV. С. 302–315. СПб.: ВиМАиВС.
- Пенской, В. В. 2015. «Мы хотимъ также вашему неприятелю московскому неприязнь вчинити...»: казанский хан Мухаммед-Эмин и попытка создания антимосковской коалиции во 1506–1507 гг. *История в подробностях* 9 (63): с. 26–37.
- Пенской, В. В. 2014. Ливонская война 1558–1561 гг. *История военного дела: исследования и источники.* Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. I. С. 133–217. Дата обращения 15.11.2016. http://www.milhist.info/2014/11/28/penskoj_7
- Пенской, В. В. 2012а. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. *Военно-исторический журнал* 10: с. 73–79.

- Пенской, В. В. 2012б. *Иван Грозный и Девлет-Гирей*. М.: Вече.
- Пенской, В. В. 2011. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего...». Стояние на Оке в 1541 году. *Военно-исторический журнал* 12: с. 41–47.
- Пенской В. В., Т. М. Пенская. 2016. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. *Золотоордынское обозрение* 4 (3): с. 552–569.
- Пенской В. В., Т. М. Пенская. 2015. «Исланова стравка». *Золотоордынская цивилизация* 8: с. 345–356.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг.* 1995. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.)*. 2006. Казань: Татарское книжное издательство.
- Разрядная книга 1475–1598 гг.* 1966. М.: Наука.
- Разрядная книга 1475–1605 гг.* 1984. Т. III. Ч. I. М.: Изд-во Института Истории АН СССР.
- Рахимзянов, Б. Р. 2016. *Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV – XVI вв.* СПб.: Евразия.
- Садиков, П. А. 1950. *Очерки по истории опричнины*. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Садиков, П. А. 1947. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. *Исторические записки*. Вып. 22. С. 132–166. М.: Изд-во АН СССР.
- Сильвестр. 1874. Послание к царю Ивану Васильевичу. *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских*. Кн. 1. I. Исследования: с. 69–87.
- Таймасова, Л. Ю. 2008. «Дело Шлитте». *Новый исторический вестник* 17: с. 30–38.
- Темушев, В. Н. 2013. *Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494*. М.: Квадрига.
- Трепавлов, В. В. 2013. «Орда самовольная». *Кочевая империя ногаев XV – XVII веков*. М.: Квадрига.
- Трепавлов, В. В. 2002. *История Ногайской Орды*. М.: Восточная литература.
- Филюшкин, А. И. 2015. *Закат северных крестоносцев. «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы*. М.: Русские витязи.
- Филюшкин, А. И. 2010. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны. В кн. *Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв.* С. 80–94. М.: Квадрига.
- Филюшкин, А. И. 2006. *Титулы русских государей*. М.-СПб.: Альянс-Архео.
- Филюшкин, А. И. 2002. Орден раздора: кто развязал Ливонскую войну? *Родина* 3: с. 48–51.
- Филюшкин, А. И. 2000. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию». В кн. *Герменевтика русской литературы*. Сб. 10. С. 327–346. М.: ИМЛИ РАН – «Наследие».

- Флоря, Б. Н. 2001. Две грамоты хана Сахиб-Гирея. *Славяне и их соседи*. Вып. № 10. С. 237–239. М.: Наука.
- Флоря, Б. Н. 1979. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. В кн. *Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв.* С. 71–86. М.: Наука.
- Хорошкевич, А. А. 2003. *Россия в системе международных отношений середины XVI века*. М.: Древлехранилище.
- Шеков, А. В. 2012. *Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в.* М.: Квадрига.
- Янов, А. Л. 2001. *Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности*. М.: Прогресс-Традиция.
- Черкас, Б. В. 2002. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. *Український історичний журнал* 1: с. 53–67.
- Черкас, Б. В. 2000. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20-30-х роках XVI ст. В сб. *Україна в Центральній-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. № 1. С. 97–118. Київ.
- Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abteilung. 1900. Band 1. 1494 Ende Mai – 1500.* Riga-Moscau.

References

- Bessudnova, M. B. 2015. *Rossia i Livoniia v kontse XV veka. Istoki konflikta [Russia and Livonia in the Late Fifteenth Century. The Origins of Conflict]*. Moscow: Kvadriga.
- Cherkas, B. V. 2000. “Politychna kryza v Kryms'komu khanstvi i borot'ba Islam-Hireia za vladu v 20-30-kh rokakh XVI st. [The Political Crisis in the Crimean Khanate and the Islam-Girei Strive for Power from 1520s through 1530s].” In *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniï Evrope (z naïdavnishykh chasiv do kintsia XVIII st.) [Ukraine in East-Central Europe from the Ancient Times to the Late Eighteenth Century]*, 97–118. Kyïv.
- Cherkas, B. V. 2002. “Ostafii Dashkovych – cherkas'kyi i kanivs'kyi starosta XVI st. [Ostafii Dashkovych as a Cherkassy and Kanev Starosta].” *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal* 1: 53–67.
- Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI – XIX vekov iz drevlekhranilishch Turtsii [Documents on History of the Volga-Ural Region in the 16th through 19th Centuries from the Archives of Ancient Acts in Turkey]*. 2008. Kazan': Gasyr.
- Filiushkin, A. I. 2015. *Zakat severnykh krestonostsev. “Voina koad”iutorov” i bor’ba za Pribaltiku v 1550-e gody [The Dawn of Northern Crusaders. The “War of Coadjutors” and the Struggle for Baltic in 1550s]*. Moscow: Russkie vitiazii.
- Filiushkin, A. I. 2010. “Livonskaia voina ili Baltiiskie voiny? K voprosu o periodizatsii Livonskoi voiny [A Livonian War or Baltic Wars? On the Question of the Livonian War Periodization].” In *Baltiiskii vopros v kontse XV – XVI vv. [The Baltic Question in the Late 15th through the 16th Cent.]*, 80–94. Moscow: Kvadriga.

- Filiushkin, A. I. 2006. *Tituly russkikh gosudarei [The Titles of Russian Rulers]*. Moscow–St. Petersburg: Al'ians-Arkheo.
- Filiushkin, A. I. 2002. “Orden razdora: kto razviazal Livonskuiu voynu? [The Order of Contention: Who Started the Livonian War?].” *Rodina* 3: 48–51.
- Filiushkin, A. I. 2000. “Gramoty novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiia, posviashchennye “Kazanskomu vziatiiu” [Gramoty of the Archbishop of Novgorod Feodosii Devoted to the ‘Capture of Kazan’].” In *Germenevtika russkoi literatury [Hermeneutics of the Russian Literature]*. Collection 10, 327–346. Moscow: IMLI RAN – “Nasledie.”
- Floria, B. N. 2001. “Dve gramoty khana Sakhīb-Gireia [Two Gramotas by the Khane Sakhīb-Girei].” In *Slaviane i ikh sosedi [The Slavs and Their Neighbors]*. Issue 10, 237–239. Moscow: Nauka.
- Floria, B. N. 1979. “Proekt antituretskoi koalitsii serediny XVI v. [The Anti-Turkey Coalition Project in the Mid-sixteenth Century].” In *Rossiiia, Pol'sha i Prichernomor'e v XV – XVIII vv. [Russia, Poland and the Black Sea Region in the 15th through 18th Cent.]*, 71–86. Moscow: Nauka.
- Gil'debrand, G. 1877. *Otchet'y o razyskaniiax, proizvedennykh v rizhskikh i revel'skom arkhivakh po chasti russkoi istorii [Reports on the Research in the Riga and Revel Archives Concerning the Russian History]*. St. Petersburg.
- Herberstein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii [Notes upon Russia]*. Vol. I. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Ianov, A. L. 2001. *Rossiiia: u istokov tragedii 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoi gosudarstvennosti [Russia: At the Origins of the Tragedy of 1462–1584. Notes on the Nature and Genesis of the Russian Statehood]*. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Khoroshkevich, A. A. 2003. *Rossiiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI veka [Russia in the System of International Relations in the Mid-sixteenth Century]*. Moscow: Drevlekhranilishche.
- Kliuchevskii, V. O. 1989. “Metodologiia russkoi istorii [The Methodology of Russian History].” In V. O. Kliuchevskii. *Sochineniia v deviati tomakh [Ouvre in 9 Vols]*. Vol. VI. Spetsial'nye kursy, 5–94. Moscow: Mysl', 1989.
- Korchmina, E. S. 2013. “Mnogie milliony gosudarstvennoi kazny v neizvestnosti nakhodiatsia': nedoimki po podushnoi podat' v 1720–1760-kh godakh [‘Many Millions of the State Treasury are in the Places Unknown’: The Arrears on the Capitation Tax in 1720–60s].” *Rossiiskaia istoriia* 5: 77–91.
- Krom, M. M. 2008. *Starodubaskaia voina (1534–1537). Iz istorii rusско-litovskikh otnoshenii [The Starodub War (1534–37). On the History of Russian-Lithuanian Relations]*. Moscow: Rubezhi XXI.
- Krom, M. M. 2010a. “Vdovstvuiushchee tsarstvo:” politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [A “Widowed Tsardom.” A Political Crisis in Russia in 1530–40s]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Krom, M. M. 2010b. *Mezh Rus'iu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme rusско-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v. [Between Rus' and Lithuania. The Borderland in Russian-Lithuanian Relations from the Late 15th through 1530s]*. Moscow: Kvadriga.

- Lebedevskaia letopis'. 2009. *Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]*. Vol. 29. Moscow: Znack.
- "List ot tsara tatarskogo Men"dli Kgireia do panov rad i vsikh" russkikh liudei o Kiev" i in'shi zam"ki." 2011. *Lietuvos metrika*. Book 7 (1506–39). R. 90–91. Vilnius.
- Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Zweite Abtheilung. 1900. Band 1. 1494 Ende Mai – 1500. Riga-Moscau.
- Lobin, A. N. 2014. "Plany voennogo sotrudnichestva Tevtonskogo Ordena i Rossii v 1517–1522 gg. [Plans of Military Cooperation between the Teutonic Order and Russia in 1517–22]." *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1: 11–26.
- Maazing, M. 2010. "Russkaia opasnost'" v pis'makh rizhskogo arkhiepiskopa Vil'gel'ma za 1530–1550 gg. [‘The Russian Threat’ in the Letters by the Archbishop of Riga Wilhelm in 1530–50]." *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1 (7): 184–194.
- Nekrasov, A. M. 1990. *Mezhdunarodnye otnosheniia i narody Zapadnogo Kavkaza (posledniaia chetvert' XV – pervaiia polovina XVI v.) [International Relations and the Peoples of Western Caucasus in 1470s through 1540s]*. Moscow: Nauka.
- Novikov, N. 1793. *Prodolzhenie Drevnei Rossiiskoi vivliofiki [A Continuation of the Old Russian Vivliofika]*. Part VIII. St. Petersburg.
- Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi [Monuments on the Diplomatic Relations of Old Russia with Foreign Countries]*. 5. *Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim [Monuments on the Diplomatic Relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian Commonwealth]*. Part II (1533–60). [Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. 59]. 1887. St. Petersburg.
- Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi [Monuments on the Diplomatic Relations of Old Russia with Foreign Countries]*. 1. *Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim [Monuments on the Diplomatic Relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian Commonwealth]*. Part I (1487–1533). [Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. 35]. 1882. St. Petersburg.
- Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi [Monuments on the Diplomatic Relations of Old Russia with Foreign Countries]*. Part I. *Snosheniia s gosudarstvami evropeiskimi [Relation with the European Countries]*. Vol. I. *Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii s Imperieiu Rimskoiu (1488–1594) [Monuments on the Diplomatic Relations with the Roman Empire]*. 1851. St. Petersburg.
- Penskoi V. V., T. M. Penskaia. 2016. "Nabeg Islam-Gireia i Safa-Gireia na «bereg» letom 1533 g [A Raid by Islam-Girei and Safa-Girei on the 'Bereg' in the Summer 1533]." *Zolotoordynskoe obozrenie* 4 (3): 552–569.
- Penskoi V. V., T. M. Penskaia. 2015. "Islanova stravka.'" *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* 8: 345–356.
- Penskoi, V. V. 2016. "Cherkasskoe sidenie." In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy [War and Weaponry. New Research and Materials]*. A Collection of Conference Papers. Part IV, 302–315. St. Petersburg: ViMAiVS.

- Penskoi, V. V. 2015. "My khotem" takezh vashomu nepriiateliu moskovskomu nepriiazni vchiniti..." kazanskii khan Mukhammed-Emin i popytka sozdaniia antimoskovskoi koalitsii vo 1506–1507 gg. [The Kazan` Khane Mukhammed-Emin and An Attempt to Create an Anti-Muscovy Coalition in 1506–07].” *Istoriia v podrobnostiakh* 9 (63): 26–37.
- Penskoi, V. V. 2014. "Livonskaia voina 1558–1561 gg. [The Livonian War of 1558–61].” *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki. Spetsial'nyi vypusk II. Lektsii po voennoi istorii XVI-XIX vv. [A History of Warfare: Research and Sources. Special issue II. Lectures on the Military History in the 16th through 19th Cent.]*. Part I, 133–217. Accessed November 15, 2016. http://www.milhist.info/2014/11/28/penskoy_7
- Penskoi, V. V. 2012a. "Griazevoi' pokhod kniazia Dmitriia Ivanovicha na Smolensk v 1502 g. [The 'Griazevoi' Campaign of the Prince Dmitrii Ivanovich on Smolensk in 1502].” *Voенно-istoricheskii zhurnal* 10: 73–79.
- Penskoi, V. V. 2012b. *Ivan Groznyi i Devlet-Girei [Ivan the Terrible and Devlet-Girei]*. Moscow: Veche.
- Penskoi, V. V. 2011. "Tsar' krym'skyi prishel ko bregu Oky-reki s velikoiu pokhvaloiu i s mnozh'stvom v'in'stva svoego...". Stoianie na Oke v 1541 godu [The Oka River Standing in 1541].” *Voенно-istoricheskii zhurnal* 12: 41–47.
- Posolskie knigi po sviaziam Rossii s Nogaiskoi Ordoi (1551–1561 gg.) [The Posolskii Prikaz Documents on Russia's Relations with the Nogai Horde in 1551–61]*. 2006. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Posolskie knigi po sviaziam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1489–1549 gg. [The Posolskii Prikaz Documents on Russia's Relations with the Nogai Horde in 1489–1549]*. 1995. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Rakhimzianov, B. R. 2016. *Moskva i tatarskii mir: sotrudnichestvo i protivostoianie v epokhu peremen. XV – XVI vv. [Moscow and the Tatar World: Cooperation and Confrontation in the Time of Changes. From the 15th through the 16th Cent.]*. St. Petersburg: Evraziia.
- Razriadnaia kniga 1475–1598 gg. [The Razriad Book of 1475–1598]*. 1966. Moscow: Nauka.
- Razriadnaia kniga 1475–1605 gg. [The Razriad Book of 1475–1605]*. 1984. Vol. III. Part I. Moscow: Izd-vo Instituta Istorii AN SSSR.
- Sadikov, P. A. 1947. "Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. [The 1569 Raid of Tatars and Turks on Astrakhan'].” *Istoricheskie zapiski*. Issue 22, 132–166. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Sadikov, P. A. 1950. *Ocherki po istorii oprichniny [Essays on the History of Oprichnina]*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Shekov, A. V. 2012. *Verkhovskie kniazhestva. Sredina XIII – sredina XVI v. [The Upper Oka Principalities in the Mid-thirteenth through Mid-sixteenth Cent.]*. Moscow: Kvadriga.
- Sil'vestr. 1874. "Poslanie k tsariu Ivanu Vasil'evichu. [A Letter to the Tsar Ivan Vasil'evich].” *Chteniiia v Imperatorskom Obshestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh*. Book 1. I. Research: 69–87.

- Taimasova, L. Iu. 2008. "Delo Shlitte" [The 'Schlitte Case']. *Novyi istoricheskii vestnik* 17: 30–38.
- Temushev, V. N. 2013. *Pervaia moskovsko-litovskaia pogranichnaia voina 1486–1494 [The First Moscow-Lithuania Border War]*. Moscow: Kvadriga.
- Trepavlov, V. V. 2013. "Orda samovol'naia". *Kochevaia imperiia nogaev XV – XVII vekov [A Wilful Horde. The Nogai Nomadic Empire in the 15th through 17th Cent.]*. Moscow: Kvadriga.
- Trepavlov, V. V. 2002. *Istoriia Nogaiskoi Ordy [A History of the Nogai Horde]*. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Vinogradov, A. V. 1999. "Krymskie khany v XVI v. [The Crimean Khanes in the Sixteenth Century]." *Otechestvennaia istoriia* 2: 58–69.
- Wallerstein, I. 2015. *Mir-sistema Moderna [The Modern World-System]. Vol. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khoziaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI v. [Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Об авторе

Виталий Викторович Пенской — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета.